

Пролог

ТРИ ЧАСА ПОПОЛУНОЧИ

Больше всего на свете Петухов не любил, когда его дежурства попадали на пятницу. А когда вызов поступал среди ночи, он вообще проклинал тот день и час, когда ему вздумалось поступить на шоферские курсы и наняться на работу водителем «Скорой», в районную больницу Спас-Испольска. Впрочем, это было давно, еще в молодости.

Это дежурство началось как обычно. Был четверг 13 июня. И день, несмотря на паршивую календарную цифру, выдался подозрительно спокойным — всего пять вызовов, в основном приступы стенокардии у граждан, плохо переносящих летнюю жару.

После полуночи начальник смены даже разрешил Петухову часика полтора покемарить. Укладываясь спать в кабине машины, Петухов привычно глянул на часы: стрелки бодренько близились к двум часам ночи. Несчастливое календарное число «13» миновало. Однако он не учел одного: за четвергом неизбежно наступала пятница. А этот день недели Петухов ненавидел, считая самым коварным и не-предсказуемым, от которого только и жди разных ЧП.

Именно в пятницу три года назад в больницу и поступил тот роковой вызов на железнодорожную станцию соседнего района, где загорелась цистерна с бензином. А потом шарахнулся взрыв, от которого в двух микрорайонах полопались стекла в домах, а

приехавшие на место пожарные и сотрудники «Скорых» из окрестных больниц жестоко пострадали.

Петухов в ту пятницу как раз дежурил и выезжал на станцию. А после взрыва четыре месяца приходил в себя на больничной койке. Выкарабкался. Снова сел за баранку. Но по пятницам с тех пор дежурить зарекся.

Он не помнил, что ему снилось: его разбудили. Дежурный врач, медсестра и санитар Колька Свистунов, от которого за версту вечно несло чесноком (против заразы), уже садились в машину. Петухов зевнул, протор глаза и спросил:

— Куда на этот раз?

— В Александровку. — Врач тоже выглядел хмурым и усталым. — С женщиной вроде плохо.

Петухов завел мотор и снова по привычке глянул на часы: мама моя родная! Четверть четвертого. По идее, уже должна брезжить заря. А тут тучи натянуло.

Александровка была старой окраиной Спас-Ильинска. Ветхий частный сектор: домишкы, вросшие в землю, скворечники-уборные на огородах, допотопные колонки с ржавыми кранами, заросли бузины, тощие козы, объедающие лопухи в тени сломанных заборов. Захолустье. Поговаривали, что Александровке недолго уже жить. Весь частный сектор планировался под слом. Но пока это был город не город. И не деревня. И даже не подмосковная дача. Одним словом — Александровка.

Однако у продуктового магазина имелась старая как мир телефонная будка. И телефон, на удивление всем, работал как часы вот уже тридцать пять лет. Обитатели Александровки не страдали уличным вандализмом.

Темно было хоть глаз коли. Свет фар «Скорой» выхватывал из темноты несколько метров шоссе да придорожные кусты. В поселке все спали. Петухов даже сбросил газ, прикидывая в уме: кричали ли в Александровке первые петухи?

У телефонной будки возле магазина горел одинокий тусклый фонарь. И там «Скорую» уже встречали: старик в майке, армейских брюках и наброшенном ватнике и его жена — явно спешно поднятая с постели, в калошах, в каких в деревнях полют огороды, и байковом халате.

— У вас больная-то? Куда ехать, показывайте. — Врач высыпался из кабины.

— Не у нас. Соседи мы. Это у Мальцевых. Райка Мальцева через улицу от нас, напротив. Дед вон мой с постели на двор вышел, а потом меня разбудил. — Старуха в халате выглядела встревоженной. Таратотрила как сорока. Сна у нее в этот глухой предрассветный час не было ни в одном глазу.

— В проулок заворачивайте, третий дом направо, — вклинился старик. — Только я бабе своей говорил: зря она вас всколыхнула. Ни к чему вы там. Райке сам черт теперь не поможет, не то что вы со своей валерьянкой.

Оба старика говорили быстро, тревожно, развязанно. И совершенно не сонными голосами. Водителю Петухову показалось, что старики чем-то сильно напуганы и до смерти рады приезду «Скорой». И это ему очень не понравилось.

У темного дома, который прятался в густой зелени запущенного палисадника, «Скорая» остановилась. Врач, медсестра и Свистунов заспешили к калитке. Она оказалась незаперта. Петухов вышел из машины покурить.

— Дай-ка и мне, — дед потянулся за сигаретой. — Мне что-то...

— Что? — Петухов протянул ему пачку.

— Да так, зябко что-то, сердце колотится. Зря баба моя вас всполошила, — повторил старик. — Мертвая она уже. Я как в окошко-то глянул — с нами крестная сила. Мертвая.

— Больная? Одинокая, что ли? Пожилая?

— Какой пожилая, в самом соку. Райка Мальце-

ва — шалава. Тут ее у нас каждый как облупленную знает, но... — Стариk внезапно поперхнулся дымом. — Мертвая. О мертвых плохо нельзя. Аукнуться может.

И тут Петухов услыхал, как придушенно, испуганно вскрикнула медсестра. А его громко, но тоже испуганно окликнул Свистунов. Они уже были в доме.

И в это время в ночи глухо зарокотал гром — тучи погасили утреннюю зарю не зря. Вслед за громом Петухов, уже открывавший калитку, услышал еще какой-то звук — звон разбитого стекла. Как впоследствии оказалось, это ударила о стену и разбилась створка окна. Затем глухой стук — словно на землю упало что-то тяжелое. Треск поломанных кустов...

Сверкнула молния. Петухову почудилось: при вспышке, на мгновение озарившей сад, метнулась тень, перемахнула через забор в дальнем конце участка. Но тогда еще он не был уверен, что действительно видел кого-то.

Он быстро прошел мимо окна, направляясь прямо к крыльцу, и вдруг остановился как вкопанный. Повернулся к окну. То, что он увидел краем глаза...

Окно было распахнуто настежь. Одна из створок разбита. В сад сочился тусклый желтый свет. В комнате горела единственная лампочка — старый подслеповатый торшер, какие покупали еще в начале семидесятых. Да, там был только один источник света и полно народа.

Петухову бросилось в глаза побелевшее лицо медсестры. Она, врач и санитар застыли на пороге комнаты.

А то, что Петухов увидел в следующее мгновение...

Женщина лежала навзничь на обеденном столе, выдвинутом на самую середину комнаты. То, что она была уже мертва, Петухов понял сразу. Совершенно обнаженное, полное, изжелта-синюшное тело было

все в багровых кровоподтеках и ссадинах. Стол был короток для нее — ноги и правая рука безжизненно свесились вниз. На запястье алела рана. Врач позже сказал потрясенному Петухову, что это укус.

Кроме стола, в комнате, оклеенной выцветшими рваными обоями, были лишь шкаф с зеркалом, прорвавленная тахта, два стула и табурет. На тахте и на стульях сидели дети. Самый маленький — лет трех — сидел на полу, прислонившись к ножке стола.

Впоследствии Петухов не раз вспоминал, что же так сильно, почти смертельно напугало его там, в этой комнате? Отчего во рту враз пересохло и вспотели ладони? Что его напугало? Покойница?

Свет падал на ее лицо. Всклокоченные, сожженные перекисью волосы, окровавленный рот. Но покойников Петухов на своем веку видел-перевидел.

Эти дети... Эти странные дети. На первый взгляд они показались ему действительно странными. От волнения он никак не мог сосчитать, сколько же их в этой убогой комнате? Пятеро? Всего пятеро?!

Двое — мальчики-близнецы, подростки, сидели на тахте, прижавшись друг к другу. Лица ничего не выражают, серые, тихие. Глаза... Петухов вздрогнул: в детских глазах мерцал, отражался свет лампы — словно в маленьких лужицах на асфальте. Такие глаза он прежде встречал только у сильно пьяных, наколовшихся или безумных после приступа.

На стуле, широко расставив худые ноги, сидела девочка лет двенадцати. В старом, застиранном халатике. Она обняла себя руками за плечи. И молча монотонно раскачивалась взад-вперед. Что-то тихо напевала про себя. Точнее, подывала, как раненый зверек.

Вторая девочка, лет шести, сидела скрючившись на полу, в углу за шкафом. Именно увидев ее, и вскрикнула от неожиданности и испуга медсестра. Лицо девочки было вымазано кровью. Окровавленными были и руки. Она то и дело поправляла свои светлые волосы, размазывая по щекам еще не засо-

хшую кровь. К ней первой бросился врач, думая, что ребенок ранен. Но девочка дико завизжала и забилась глубже в угол. А когда врач опустился на корточки, пытаясь достать ее, внезапно прынула вперед, пытаясь укусить его, метя прямо в лицо.

Это была не ее кровь. Как впоследствии оказалось, на ребенке не было ни единой царапины. Ее братишко сидел под столом. Взгляд его не был таким бессмысленным и отрешенным, как у остальных детей. В его глазах водителю Петухову почудился животный испуг.

— Боже, вы видели? — прошептала медсестра. — Тут же был еще один! Петухов, вы его видели?!

Петухов дотронулся до подоконника — свежая кровь.

— Он выпрыгнул в окно, едва мы вошли. — По голосу врача Петухов понял, что и тот сильно напуган. — Слушай, давай к телефону. Вызывай сюда милицию. Скажи — пусть немедленно едут, скажи... Чертовщина какая-то.

Кто-то из детей на тахте внезапно пошевелился. Начал громко икать. Потом хихикать. Визгливо за-смеялся, тыча пальцем в распростертое на столе тело. Это был смех истерики, безумия.

Петухов развернулся, сбежал по ступенькам и через кусты палисадника ринулся назад к машине, к телефону. С неба уже падали тяжелые крупные капли дождя. Это была пятница. И эту пятницу, как и ту, другую, со взрывом, Петухов запомнил на всю жизнь.

Глава 1

ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

3 июня. Год спустя.

Белое здание среди соснового бора за рекой напоминало корабль. Мраморные террасы, тонирован-

ные стекла просторных лоджий, красная черепица крыши. Из окон вид открывался на реку и на парк, где среди сосен и лиственниц были проложены мощенные плиткой дорожки к двум открытым бассейнам, теннисным кортам, конюшням, манежу, барам и похожему на гигантский аквариум зданию для игры в боулинг.

С берега реки все это было хорошо видно — весь комплекс зданий располагался на склоне холма, живописно спускавшегося к небольшой пристани, где у причала стояли два новеньких катера, скутеры и несколько разноцветных моторных лодок.

Водитель специально сбавил скорость. Катя, не отрываясь, смотрела в окно: да, между этим берегом реки, где пролегало шоссе на Спас-Испольск, и тем, на котором выстроили белое, похожее на пароход здание, была огромная разница.

В Спас-Испольск Катя — Екатерина Петровская, теперь, в замужестве, Екатерина Кравченко, криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, — ехала впервые. Район считался близким к столице, однако, несмотря на это, очень спокойным. Как отмечалось в аналитических отчетах, «криминогенная ситуация в городе из года в год стабильно держалась на уровне, близком к стабильности». Катя подобную профессиональную тарабарщину терпеть не могла. Сказали бы проще — это не пять-семь убийств, ограблений и разбойных нападений за неделю, а одно-два в месяц.

О причинах чудесного затишья в столь близком от Москвы месте выдвигались разные предположения. Самая ходовая версия: Спас-Испольск просто объявлен нейтральной территорией. Место считалось одним из лучших для отдыха в Подмосковье. И за последние пять лет здесь понастроили коттеджей, вилл, центров отдыха и развлечений, загородных ресторанов, вертолетных площадок, расчищали лес, превращая его в ухоженный парк.

Поговаривали, что перед началом такого бурного строительства кто-то с кем-то договорился, кто-то у кого-то попросил благословения и крыши и, получив желаемое, объявил место будущего отдыха по-европейски бескровным заповедником. После этого уровень уличной преступности в районе вдруг резко пошел на спад, к великому ликованию местных стражей порядка. Затем медленно, но стабильно стал снижаться и уровень тяжких и менее тяжких преступлений. Картина портила лишь «бытовуха». Но, видимо, с этой криминальной заразой не могли справиться даже те, кто, подобно атлантам, поддерживал над заповедником пуленепробиваемую крышу-колпак.

И надо же было так случиться, что именно здесь, в Спас-Испольске, месяц назад и произошло...

Катя посмотрела в окно: белый дом-корабль уже скрылся из вида. Шоссе свернуло, и теперь вдоль дороги, как гнилые зубы, торчали старые, ветхие дома Александровки — пригорода Спас-Испольска. Они уже почти приехали.

Случай был настолько странным, что Катя даже отложила свой отпуск. Она вздохнула: их долгожданный совместный отпуск с мужем Вадимом Кравченко. В результате все отодвинулось на июль, а то и на август. Кравченко же вместе с закадычным своим приятелем Сергеем Мещерским улетел в Анталью. Нет, не загорать на пляже, как они первоначально планировали с Катей, а совершать рафтинг — сплав по горным рекам на резиновых лодках, в касках и спасательных жилетах.

Катя поежилась: бrr, рафтинг. Новая забава мужа и его закадычного дружка. Отдых для чокнутых. Ее бы, конечно, даже если бы она бросила ЭТОТ СЛУЧАЙ и уехала вместе с ними, никто не заставил скакать в резиновой лодке с камня на камень. Впрочем, Вадька обещал ей железно: вторую половину отпуска они проведут вместе. Останутся деньжата — в

Анталье. Оскучеют — махнут в Крым пить дешевый виноградный сок. На теплое море. Вдвоем. Как молодожены.

— У отдела милиции выйдете? Или до прокуратуры довезти? — спросил Катю водитель. Это был новый водитель. А машина — старая «Нива». Такую пригнали с автобазы. В Спас-Испольск Катя приехала одна, без телевизионщиков. Телевизионщики сказали: пока дело не сдвинулось с мертвой точки, им снимать нечего.

Катя попросила довезти ее до отдела милиции. Лучше узнавать новости в родных стенах, чем в прокуратуре. И что нового могли сказать прокурорские? Ведь ничего еще не было обнаружено — ни трупов, ни каких-либо следов. Катя прикинула, когда она узнала о происшествии. После майских праздников, где-то числа пятнадцатого мая. А ЧП случилось...

Сведения, полученные Катей по этому делу, были скучными и жутковатыми одновременно. В ночь на первое мая компания молодых людей — две девушки и парень — вроде бы отправилась на пикник на берег реки. И больше их никто не видел. Машину, на которой они приехали, «Жигули» десятой модели, через несколько дней действительно нашли на берегу. А люди словно в воду канули.

Но это были лишь первоначальные сведения. Следующая порция информации, добытая Катей с барабанным боем в уголовном розыске, несколько отличалась от предыдущей. Да, правда, всех троих без вести пропавших последний раз видели вечером тридцатого апреля. Действительно, они собирались на пикник. Вот только не на реку, а в СЪЯНЫ. Почему именно ночью? Да, говорят, ночь на первое мая — это знаменитая Вальпургиева ведьмина ночь. И молодежь отмечает ее на всю катушку, как и новомодный Хэллоуин и День святого Валентина.

А Съяны... Кате объяснили вкратце, что такое Съяны: старинные, давно заброшенные каменолом-

ни на берегу реки. С тринадцатого века там брали камень на строительство Москвы, но уже в семнадцатом веке все выработки прекратились. Съяны — это целый лабиринт вырытых под землей ходов, которые тянутся на много километров.

Катя, слушая все это, справедливо засомневалась: да полно, действительно ли эти ребята решили провести Вальпургиеву ночь в таком неуютном месте?

В розыске ее сомнения постарались рассеять: дело не наше. И даже не прокурорское. Делом начал заниматься... РУБОП. Версию несчастного случая сначала полностью вытеснила версия похищения с целью получения выкупа. Отец одной из пропавших девушки якобы очень состоятельный человек. Ребят волей случая хватились только третьего мая. Отец этой девушки сразу же обратился в милицию, точнее, в столичный РУБОП. В несчастный случай он не верил с самого начала. Считал, что дочь похищена, что похитители вот-вот выйдут на связь, требуя деньги. В РУБОПе тоже ждали вестей от возможных вымогателей. Но к отцу пропавшей девушки никто не обращался. Тут снова всплыла версия о возможном несчастном случае. Потом на берегу реки обнаружили их машину...

Машина принадлежала пропавшему вместе с девушками Андрею Славину. Следов борьбы или насилия в салоне не зафиксировали. Милиция несколько раз осматривала вход в заброшенные каменоломни. Однако никаких следов пропавших так и не удалось обнаружить. Ни тел, ни следов, ни улик. Ничего.

К третьему июня новостей не прибавилось. Версия похищения была окончательно отброшена. Считалось, что все это трагический несчастный случай. Так думала и Катя. По крайней мере, тогда, утром 3 июня, подъезжая к зданию Спас-Испольского ОВД, она еще думала именно так.

В отделе по неписанным служебным правилам надо было сначала представиться местному началь-

ству. Так, мол, и так, явился из главка криминальный обозреватель пресс-центра узнать, как тут у вас обстоят дела с охраной общественного порядка. (Проявлять повышенный интерес к исчезновению людей вот так сразу в лоб не стоило. Местное начальство, у которого до сих пор не было по этому печальному факту ни одного положительного результата, могло закапризничать и замкнуться, наотрез отказавшись давать информацию.)

Катю принял строгий и юный на вид начальник службы криминальной милиции Лизунов. Настолько юный, что она даже подумала: в районе острая нехватка руководящих кадров. Все как один на борьбе с бандитизмом, участвуют в новой чеченской кампании. А дома остались служить одни зеленые курсанты. Однако, несмотря на мальчишеский вид, Лизунов говорил хрипловатым пропитым баском «под Высоцкого», а по погонам оказался уже капитаном. В Спас-Испольском ОВД он пока еще был не настоящим начальником, а только и. о., замещая на время отпуска своего шефа.

Разговор сначала затейливо петлял вокруг последней главковской коллегии и задачи «повышения общего уровня раскрываемости». Лизунов хвалился результатами операции «Мак», пообещав предоставить Кате оперативную видеосъемку задержания торговцев героином из Таджикистана. Момент был самый подходящий. На общей позитивной волне пора было прощупать почву и насчет случая месячной давности и поисков без вести пропавших. Но тут их прервали на самом интересном месте.

— Аркадий Васильич, только что из суда звонили. Задержанных придется освободить, — убито-разочарованным тоном доложил кто-то Лизунову по селекторной связи.

— Всех четверых? — столь же тускло поинтересовался тот.

— Так точно. Адвокат Луконенко сейчас подъ-

едет, постановление суда в ИВС привезет. Между прочим, там в суде представитель Баюна появился. Видимо, Баюн сильно забеспокоился, как бы кто чего лишнего не сболтнул. Ну, и нажал, наверное.

— А кто дело рассматривал?

— Судья Прохорова.

— Исключается нажим, — Лизунов тяжко вздохнул. — Она ж старуха, одной ногой в могиле, другой на пенсии. Плевать ей на нажимы. Да и норов у нее самой крутой. И потом... Да что мы на судью все валим? Я ж говорил, пушку надо было тогда искать. Нашли бы — дело в шляпе было бы и на Луконенко, и на прочую гоп-компанию. Ну ладно, понял я ситуацию. Слушай, как явится адвокат, пусть мне доложат. Я с ним, с этим юридическим вундеркиндом, сам переговорю.

Катя мало что поняла из этих скучных переговоров. Правда, ей стало любопытно: а кто такой Баюн? Жулик, преступник, рэкетир, растлитель малолетних, мafiози? А прозвище как у кота из сказки...

— Да драка тут была в баре, — хмуро буркнул Лизунов, поймав ее вопросительный взгляд. — Стреляли. Одному ногу продырявили, легко, в мякоть навылет. Вроде задержали всех, а пушку так и не нашли. То ли выбросить успели куда, то ли обслуга бара подсуетилась. Ну и друг на друга, естественно, никаких показаний. Никто ничего не видел, не слышал, не был, не стрелял. А у самих рожи все расквашены.

— Доказательств не хватило? — участливо полюбопытствовала Катя.

Лизунов горько усмехнулся:

— В суд сразу все жалобы накатали на необоснованное задержание. Тут и адвокаты как мухи и...

— Бывает. — Катя была сама серьезность. — А мне говорили — у вас спокойный район. Ничего такого громкого со стрельбой.

— А это не наши балуют. Это чужие. Москвичи.

Лизунов произнес это так, что Катя поняла: хоть

от Спас-Испольска рукой подать до столицы Белокаменной, москвичей, как это водится в провинции, здесь тоже не жалуют.

— Значит, вы к нам по результатам коллегии приехали? Или вас, Екатерина Сергеевна, что-то еще в нашей работе интересует? — подозрительно спросил Лизунов.

Катя снова не успела заикнуться о пропавших без вести, как позвонили по селекторной еще раз, сообщив, что адвокат Луконенко ждет.

Лизунов заторопился:

— Ну, отчет по итогам «Мака» в штабе пока... Я сейчас распоряжусь, чтобы вам предоставили все материалы... Если возникнут какие вопросы, обращайтесь или ко мне, или прямо в УНОН.

И Кате ничего не осталось, как вежливо и бодро откланяться. Однако в УНОН к борцам с наркобизнесом она не пошла. Направилась прямо в следственное отделение. Из-за двери кабинета под номером семнадцать доносился дробный перестук пишущей машинки. Катя распахнула дверь без стука. Свои.

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте.

— Катюшка? Класс! Когда приехала? Только что? Класс! А вы, Пререкаев, помолчите, вашим мнением тут никто не интересуется. Обдумайте лучше мой последний вопрос.

Пищащая машинка молчала, зато строчил станковый пулемет. Тысяча слов в минуту. Миллион. Катя смотрела на воздушное миниатюрное создание, пушинкой сорвавшееся с жесткого канцелярского стула ей навстречу. С Варей, а если официально — с Варварой Михайловной Красновой, они не виделись более года. Но та нисколько не изменилась. Точнее...

С некоторых пор Катя заметила: натуральные блондинки в этом сезоне повально красятся в жгучих брюнеток. Варя-Варвара была рождена светло-русой. А сейчас перед Катей радовался жизни румяный

«гарсон» — кудрявая смоляная челочка подпрыгивала на загорелом лбу, стильно прилизанные височки топорщились как два серпика, чем-то напоминая крылья стрижа.

Как и год назад, Варвара обожала сочетание черного и белого цветов — черное платье, белый летний пиджак. Как и год назад, для маникюра она выбирала убойный коричнево-бордовый итальянский лак. Словом...

Словом, она была и прежней, и совершенно иной. Неизменным оставался лишь этот тесный кабинетик с зарешеченным окном, эта раздолбанная машинка и этот сейф в углу, набитый уголовными делами.

Варвара Краснова была следователем Спас-Испольского ОВД. А с Катей они были подруги. Врут, что у женщин-следователей не бывает личной жизни. Варя Краснова развелась с мужем; у нее была дочка шести с половиной лет и белый, глухой как пробка кот Мюрат. Все свободное время она посвящала спорту: когда от зарплаты что-то оставалось, покупала разовый абонемент в городской фитнес-клуб на занятия шейпингом и аэробикой.

— Катенька, да ты хоть бы позвонила, намекнула, я бы вчера шарлотку испекла! Или эти с творогом — ну, пышки, твои любимые! Ты чем добиралась? Автобусом? Ах, на машине... Везет вам, прессе. Пререкаев! А ваши реплики здесь не нужны. Вы обдумали ответ на поставленный вам вопрос?

В кабинете находился еще и гражданин Пререкаев. Как и положено подследственному, сидел он на стуле, скучно, монотонно бурча что-то на вопросы следователя. Но когда появилась Катя, оживился, пытаясь вставить и свое слово в беседу. Катя прикинула: за что такой может париться? Пререкаеву было под пятьдесят — испитой замухрышка, однако от на-колок чистый.

Краснова попросила его подождать за дверью.

— Вор? Душегуб? Или, сохрани боже, фальшивомонетчик? — спросила Катя.

— Кухонный воин. Нанесение побоев. Дело частного обвинения. — Варя кивнула на тоненькое дело. — Раз в три месяца жена пишет на него жалобы: бьет, пьет. Потом на очной ставке все, как партизанка, отрицают. Выгораживает его — муж какой-никакой. Идут на мировую. Гром фанфар, слезы умиления. Мы дело прекращаем, выставляем карточку. А потом все по новой. Надоел он мне. Так бы и удавила своими руками, — она плотоядно пошевелила наманикюренными пальчиками.

— Гони его, а? — Катя опустилась на стул. — Гони его с глаз, золотце мое.

— Сейчас, только показания прочтет и протокол подпишет.

И через пять минут Пререкаева изгнали.

— Ну, рассказывай, — Краснова была рада подруге. — Надолго к нам? Ну, сегодня точно не уедешь. После работы ко мне, ты ж на новоселье у меня не была!

После развода Краснова долгое время жила на казенной, принадлежавшей отделу квартире. А фактически — в коммуналке, где было чрезвычайно шумно и беспокойно от испокон веков обитавших там холостых представителей ГАИ и уголовного розыска. Потом ей дали квартирку — однокомнатную, на первом этаже. Окна — в заросший жасмином и бузиной двор.

С приятельницей Катя темнить не стала. Услышав про пропавших без вести, Краснова задумалась.

— А какой материал ты хочешь по ним найти? Дело-то не раскрыто. Причем и уверенности ни у кого нет, что это что-то криминальное. Скорее всего заблудились эти несчастные в наших провалах. Такое и раньше бывало. Впрочем, тебе с Рубиком Керояном надо потолковать. Он тогда первый на место выезжал и в каменоломни в составе поисковой группы

спускался. — Краснова двинулась к двери. — В розыск звонить бесполезно, они, когда с задержанным беседуют, просто трубку не берут. Я сейчас к ним сама спущусь, Керояна тебе приведу. А ты сиди, отдохай. Потом чай будем пить.

Катя осталась в кабинете одна. Подошла к окну. Из него был виден двор отдела. Она обратила внимание на огромный темно-зеленый джип. Катя в иномарках разбиралась скверно, но тут и без специальных познаний было ясно: роскошная, новая и очень дорогая машина.

Возле нее она увидела невысокого коренастого мужчину в черном костюме и черном галстуке. Он беседовал с сотрудником милиции в форме. Катя вспомнила: в отдел должен был приехать адвокат какого-то Луконенко. Надо же, какое у адвоката роскошное авто.

В машине вроде бы сидели еще люди, но Катя их не разглядела. Тоже адвокаты, решила она. Да, если стрелка из бара защищают такие персоны, то чему удивляться, что районный суд выпускает их по первой же жалобе?

Мужчина в черном костюме попрощался с сотрудником милиции. Они говорили... Катя показалось, милиционер (это был, видимо, помощник дежурного) то ли объяснял что-то своему собеседнику, то ли успокаивал его. Мужчина сел за руль джипа. И Катя подумала: нет, все-таки эта роскошная машина чем-то неуловимо похожа на катафалк.

Глава 2

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

От Спас-Испольского уголовного розыска в лице старшего оперуполномоченного Рубена Керояна она узнала лишь имена и фамилии пропавших да крайне

скупую информацию о том, как же местной милиции стало известно о происшествии.

Кероян был мрачным, неразговорчивым молодым человеком. И вопреки своему южному темпераменту классическим меланхоликом. Впоследствии Варвара Краснова, сплетничая по-женски, поведала Кате, что причина крайне минорного настроения опера в то утро крылась в окончательном разрыве с «его девушкой», секретаршей ОВИРа, которая как раз накануне подала заявление в ЗАГС с лучшим другом Керояна, тоже сотрудником местного розыска. В результате внутри крохотного боевого подразделения сложилась крайне нервная и взрывоопасная обстановка. Сердечная рана Керояна обильно кровоточила, и он всем своим видом показывал, что сейчас (сейчас!) ему совсем не до распросов какой-то любопытной корреспондентки из пресс-центра главка.

Катя же в пику ему проявила редкую черствость и упорство. Впрочем, фамилии пропавших она и так знала — из сводки. И они ей пока ровным счетом ничего не говорили.

Милиция разыскивала неких Марию Коровину, Веру Островских и Андрея Славина. Все трое были местные жители. Девушкам было по двадцать два года, Славину — двадцать пять. В ночь с 30 апреля на 1 мая на машине Славина они втроем якобы отправились то ли на реку, то ли в заброшенные каменоломни, и с тех пор их больше никто не видел.

На этом фонтан красноречия Керояна иссяк, и Кате пришлось задавать наводящие вопросы.

— Я слышала, первым в милицию сообщил об исчезновении ребят отец одной из девушек. Что, он действительно подозревал сначала, что это похищение?

Кероян нехотя кивнул:

— Он сразу в РУБОП кинулся, к вам в Москву. Нашим не доверился. И насчет каменоломен там вообще сначала речь не шла.

— То есть? — насторожилась Катя.

— Ну, версия о том, что они отправились в Съяны, появилась, когда он уже к нам после РУБО-Па прибежал 7 мая. Как раз я дежурил на праздники.

— Рубен, вы хотите сказать, что целую неделю в этих каменоломнях их даже никто не искал?!

— Мы вообще сначала не знали, что они пропали. Праздники ж были — у Коровиной мать с сестренкой в Питер уехала на экскурсию. Вернулась, а дочери дома нет. У Славина никого из близких — мать два года назад умерла. А отец Веры Островских... Они с женой хватились третьего мая — Вера в Москву им не позвонила. Он сначала сам ее искал, а потом махнул в РУБОП. Ну а там свои порядки. Полная секретность и тайна аж до заикания. — Кероян сделал усилие и саркастически съязвил: — Они ждали у моря погоды — может, похитители объявились, деньги станут с Островских требовать. Никто так и не объявился. Тогда он к нам, к местным, — караул, единственная дочь пропала, помогите!

— И как же тогда появилась версия, что ребята отправились в каменоломни?

— Я после разговора с ним в «Пчелу» сразу поехал. Диско-бар у нас тут такой, молодежь тусуется. На праздники — сплошное веселье. Пытался узнать, когда Коровину и Славина там в последний раз видели.

Катя отметила, что Кероян на этот раз не упомянул фамилию другой девушки — Веры Островских.

— Кое-кто из полезных мне там тусовался. Ну, начали с ними потихоньку разбираться. Тут-то и всплыло, что в «Пчеле» их видели вечером 30 апреля. Там вечеринка намечалась. Но только где-то около одиннадцати, по словам свидетелей, они оттуда слиняли на машине Славина. Мне сказали: вроде собирались провести Вальпургиеву ночь в самой подходящей обстановке.

— Это в заброшенных пещерах?

— Вроде да. Машину Славина мы потом на берегу реки нашли. Там неподалеку вход в каменоломни. То есть один из многих входов.

— Один из многих? Значит, тут есть и другие?

Кероян глянул на Катю, но ничего не сказал.

— А что, эта Коровина и Славин... Они дружили?

— Вроде того. Спали.

— А Вера Островских? Почему и она туда с ними поехала? Вроде ведь третий лишний.

— Они с Коровиной — близкие подруги.

— А что, ее отец действительно состоятельный человек? Можно с такого за дочь деньги потребовать?

— Можно, — Кероян отдался лаконичным ответом. И дальше развивать эту тему не стал.

— Вы, Рубен, первый выезжали в эти Съяны. Ну и?.. — Катя была само любопытство.

— Да, сначала я один поехал, просто информацию проверить.

— Вы же говорите — там, в этих пещерах, множество входов, как же вы догадались, куда именно нужно?..

— Дыра у дуба — самый посещаемый вход. Туда и туристы забредают, и спелы приезжают.

— Спелы?

— Ну, спелеологи.

Катя примолкла на секунду: видимо, она еще очень плохо представляла себе эти каменоломни. Если их даже спелеологи для себя облюбовали...

— И что же, Рубен, вы там обнаружили?

— Сначала жирный ноль. Потом к реке спустился, машину Славина в кустах увидел. «Жигули»-«десятка», цвета «баклажан», новая. Он ее недавно приобрел, у нас в ГИБДД оформлял. Никаких следов проникновения, борьбы или взлома там не было. Ключей тоже.

— А Славин кем работал?

— В банке. Менеджером, что ли. После финансово-вого института сразу.

— Неплохое распределение в двадцать пять лет.

— Его отец Веры Островских туда устроил. Парень после смерти матери совсем один остался. Островских мать его хорошо знал, да ее тут все в районе знали. Она в оные времена в райисполкоме работала, в жилкомиссии.

— А вы сами в Спас-Испольске давно живете, Рубен?

— Я здесь родился.

— Извините, я вас перебила. Вы нашли машину, и что же дальше?

— Что? Пещеру осмотрел, вглубь один не полез. Вернулся в отдел, начальству сразу доложил. По требованию людей подняли, пытались осмотреть там эти чертовы норы, но... Короче, дальше ста метров вглубь не двинулись.

— Почему?

Кероян снова посмотрел на нее:

— Вы когда-нибудь бывали в Съянах?

— Нет, — честно призналась Катя. — Впервые услышала, что такое странное место тут у нас под Москвой.

— И не советую туда нос совать, — хмуро предупредил опер. — Эти вот уже попробовали.

— Значит, они вполне там могли заблудиться и... — Катя почувствовала внезапный холодок. Медленная мучительная смерть ждала заблудившихся в пещерах без воды, света, пищи. Их начали искать там только спустя неделю, а это значит...

— Вы считаете, они погибли? — спросила она.

— Были бы живы, давно бы объявились.

— И это, по-вашему, несчастный случай?

Кероян пожал плечами. Жест означал: а что, у вас, криминального обозревателя, есть другое мнение?

— А вообще, зачем они туда отправились в ту Вальпургиеву ночь? Как вы думаете? — не унималась Катя. — Такое жуткое место, да еще в такое время...

— В «Пчеле» в ту ночь вечеринка ужасов была — «Монстры выходят на охоту». Перепились там все в дупель. Ну, и эти наши тоже, наверное. А может, что и покрепче алкоголя там было. После решили перенести вечеринку в более подходящую обстановку, нервишки пощекотать. В подземные ходы забрались по пьянке, а обратно потом выхода не нашли.

Кероян демонстрировал всем своим видом, что вопрос исчерпан. Катя чувствовала: беседа с кавказским Пьеро-меланхоликом близится к концу. Но на последок ей надо было узнать еще кое-что.

— И в каком же состоянии дело сейчас? — спросила она. — Ищете вы их там или нет?

— Дело возбуждено. Пока висит на нас. Ищут... трупы. Только не мы уже.

— А кто же?

— Островских спелов нанял по катакомбам шарить. У них и подготовка, и снаряжение необходимое. И Съяны они хоть немного да знают. Швед вон каждый сезон группы туда водит. Они там лагерь разбили. Если хотите, можете съездить. Только и у них пока тоже результатов ноль, у этих спасательниц хреновых.

Катя не совсем поняла, что он имел в виду. Но уточнять не стала — не надо раздражать мальчика. Беседа с Керояном утомила ее до крайности. А в результате она почти не получила новых полезных сведений, кроме...

— Слушай, а правда, тут у вас какие-то спасатели появились? — спросила она Краснову, когда они остались в кабинете одни.

— Говорят, что да. У Медвежьего дуба их стоянка. Где вход в Большой провал.

— А туда как-нибудь можно добраться?

— Это за Александровкой. Туда автобус ходит, только редко.

— Я сейчас поеду туда, Варя.

— Не забудь — вечером у меня. Сюда вернешься или тебе мой новый адрес дать?

— Давай адрес. Если я там припозднюсь, придется у тебя ночевать.

— Милости просим. Катюшка рада тебе будет. Все вспоминает, как вы с ней в зоопарк ходили.

Катя улыбнулась. Дочку Вари тоже звали Катей. Только Катей Маленькой. И они действительно ходили в зоопарк, когда прошлым летом Варя приезжала к ним в гости. У Кати мелькнула тогда дальновидная и блестящая мысль: а что, если познакомить Краснову с Серегой Мещерским? Тому давно пора жениться. И Варвара как-то должна устраивать жизнь заново.

По плану, чтобы не мешать знакомству, Катя предложила Кравченко забрать Катю Маленькую и смотраться в зоопарк «смотреть бегемота», оставив Краснову и Мещерского наедине. Они гуляли по зоопарку, потом до вечера сидели в летнем баре и спорили. Катя мечтала, как неплохо было бы, если бы дело сладилось. А Кравченко считал все это дохлым номером. А потом Катя Маленькая захотела спать. Кравченко взял ее на руки, и она уснула у него на плече.

Но, увы, ничего не сладилось у Мещерского с Красновой. Хотя они вроде бы идеально подходили друг другу по росту — оба миниатюрные: коротышка и дюймовочка.

По словам раздосадованной Вари, они посидели в баре, потрапались ни о чем, потом Мещерский проводил ее на квартиру Кравченко и Кати, а сам тут же сослался на неотложное дело и слинял.

Краснова с дочкой на следующий день уехала домой. Катя искренне горевала, что знакомство-сватовство лопнуло. А Мещерский, весь малиново-пун-

цовый, раздраженно огрызался на шпильки Кравченко: «Мы женили медвежонка на сияющей матрешке...»

И только Катя Маленькая осталась всем довольна: до сих пор помнила про зоопарк!

Катя Большая вздохнула: черт возьми, какая сложная штука жизнь.

— Какой номер автобуса? — спросила она Краснову.

— Как у моего кабинета — семнадцатый. Остановка — «Лодочная станция». Но там еще вдоль реки надо идти. Не заблудишься?

— Постараюсь, — бодро ответила Катя.

Глава 3

ПОЛЕ ДЛЯ ИГРЫ В ГОЛЬФ

Автобус № 17 подошел на удивление быстро. А лодочная станция оказалась конечной остановкой. Катя прикинула с тоской: вот сейчас высадят тебя где-нибудь в лесу, за околицей какой-нибудь деревни. Ищи-свищи там в глухи лагерь заезжих спелеологов. Названия, вскользь брошенные Керояном и Красновой, тоже оптимизма не внушали: Медвежий дуб, Большой провал. Так и хотелось добавить: за Кедровой сопкой у Тигровой балки верст тридцать с гаком...

За окном автобуса проплыли новостройки Спас-Испольска, потом замелькали хибарки Александровки. Затем начался подмосковный лес, скорее даже придорожная липовая аллея — так аккуратно были высажены вдоль шоссе старые тенистые липы. А за аллей...

За что Катя искренне любила Подмосковье, так это за преподносимые им сюрпризы. Никогда нельзя угадать, какой вид откроется за поворотом дороги.

Липовая аллея кончилась, автобус затормозил на остановке, сделанной в форме резного деревянного теремка. Позади него в зелени виднелось двухэтажное кирпичное здание под черепичной крышей — новый и очень красивый еврокоттедж.

Катя вышла и огляделась. Она ожидала увидеть здесь какие-нибудь пустыри, заросшие бурьяном, заброшенные поля или овраг в зарослях, где ей до посинения предстояло искать какой-то там Медвежий дуб и вход в заброшенные каменоломни. А тут...

Вдоль дороги шла невысокая, изящная кирпичная ограда, доходившая Кате до пояса. За ней же был разбит настоящий ландшафтный парк: круглые, обработанные искусствами садовниками куртины кустов на изумрудном подстриженном газоне. Вдали среди травы виднелось несколько ровных площадок, засеянных травой более светлого оттенка. От них словно лучи вели какие-то дорожки к другим, таким же площадкам с неглубокими ямками посередине.

В дальнем конце поля появились люди: двое мужчин в шортах и бейсболках и третий — в черной униформе охранника. Он нес два клетчатых баула, из которых торчали...

Катя пригляделась. Игроков в гольф она видела только в кино. А эти трое, точнее, двое, потому что охранник был не в счет, намеревались сыграть здесь партию — и это было не что иное, как поле для гольфа.

Катя не отказалась себе в удовольствии понаблюдать за тем, как они достали из баулов свои клюшки. Было как-то не совсем привычно видеть здесь и это поле, и этих людей. О том, что играть в гольф в Подмосковье могут позволить себе только очень-очень богатые, она слышала от Кравченко. Например, его работодатель, небезызвестный в столице предприниматель Василий Чугунов, у которого Кравченко был бессменным начальником личной охраны, игры в гольф чурался как заразы по причине крайней доро-

говизны членских карт гольф-клуба. А ведь Чугунов мог со своих капиталов позволить себе многое — и собственное охотхозяйство, и личный вертолет, и даже перворазрядную конюшню на базе столичного ипподрома.

Здесь же, на окраине подмосковного Спас-Ильицка, на берегу реки, двое игроков неторопливо и метко посыпали первые дальние удары, загоняя мячи в лунки. Катя двинулась по шоссе вдоль кирпичной ограды. У развалин было выстроено изящное кафе: мангал, летняя веранда. За стойкой у гигантской итальянской кофеварки скучал бармен. Катя спросила у него, где лодочная станция.

Выложенная плиткой дорожка спускалась среди зарослей ивняка к дощатому причалу. За ним, в глубине соснового бора, Катя увидела контуры того самого белого здания.

Прилегающая ухоженная местность снова напоминала ландшафтный парк. Не хватало только ярких клумб. Мимо на велосипеде проехал мальчишка. На Катин вопрос про лагерь спелеологов он ткнул рукой куда-то вперед. Берег реки там был гораздо круче. Над водой кружили ласточки — их гнезда как раз чернели там, в белых известняковых обрывах.

Кате пришлось вернуться на шоссе. Справа началась веселая березовая роща. От шоссе вглубь ее уводила тропа. Имелся и деревянный указатель: на доске, словно герб, был вырезан развесистый дуб.

И Катя подчинилась указателю. Брела не торопясь: березки, березки, пятна тени на густой траве, как кружево, какие-то легкомысленные беленькие и голубенькие цветочки. Такая идиллия.

И вдруг из-за деревьев донеслась музыка. Катя ушам не поверила: ангельский голос Сары Брайтмэн, исполняющий знакомую классическую мелодию. Она тихонько раздвинула ветки кустов и...

Музыка доносилась из магнитолы, стоявшей прямо на траве. Здесь же была и брошенная комом

одежда. А на траве среди клевера, ромашек и колокольчиков лежала обнаженная женщина: сильное стройное тело, уже тронутое первым загаром, длинные стройные ноги, бедра, округлая грудь. Женщина была рыжеватой шатенкой, ее увенчанные венком волосы разметались по траве. Вот она приподнялась на локте, венок из травы и ромашек съехал набок. Женщина сдернула его и швырнула в кусты мощным броском. Так, словно метала диск или бумеранг.

Венок упал к Катиным ногам. Это была чистая случайность.

Теперь она могла разглядеть и лицо женщины. Красивым оно ей не показалось, скорее энергичным, волевым: резкие черты, которыми отличаются спортсменки, из тех, кто занимается лыжами или марафонским бегом. Лицо было некрасивым и не очень молодым. Зато ухоженные волосы, тело и кожа поражали гармонией линий и форм.

Женщина снова легла на траву. Кате внезапно стало неловко: что это она подглядывает за незнакомкой? Нудистка, наверное, какая-нибудь загорает на укромной полянке. Медитируя под изыски Сары Брайтмэн.

Откуда-то из рощи послышались дальние голоса. Запахло дымом. Видимо, лагерь, к которому так стремилась Катя, был где-то неподалеку.

Женщина под солнцем лежала, широко раскинув на траве ноги и руки. Казалось, она кого-то ждала. И Катя подумала: вот сейчас хрустнет ветка и ОН — дикое божество — выйдет на поляну. И они займутся любовью. Но кругом было тихо. Никто не шел на свидание. Катя помедлила. Наклонилась, подняла венок: ромашки и осока. Ромашки уже увядали. Она размахнулась посильнее и запустила им в обнаженную на траве. Метко попала.

— Женька, это ты? Женечка, ты где?!

Катя юркнула в кусты. Чувствовала она себя как

в школе, когда удавалось подложить ненавистной математичке кнопку на сиденье стула.

А лагерь спелеологов напоминал обычные подмосковные туристические лагеря: шесть оранжевых палаток, брезентовый навес над полевой кухней, дощатым столом и лавками, место для вечернего костра, обложенное закопченными камнями, второй навес, где горой сложены какие-то ящики и тюки.

На веревках, протянутых на самом солнцепеке между деревьев, сушились джинсы, брезентовые куртки, майки, женские трусики и бюстгальтеры.

Поначалу людей Катя в лагере не увидела. Зато с первого взгляда заметила, что место довольно открытое — опушка березовой рощи, а за ней поле, дуб один в чистом поле (тот самый Медвежий?), дальше шоссе, снова поле, ферма, автобусная остановка и лес на горизонте.

По шоссе мчались машины. Вообще, и лагерь, и его окрестности были настолько обжитыми, что странно: как здесь могли бесследно исчезнуть трое людей?

— Здравствуйте, вы что, к нам? А вы кто?

Катя обернулась. Две девицы в купальниках. У одной — ведро с очищенной картошкой, у другой рюкзак, набитый капустой.

Катя официально представилась и даже предъявила удостоверение. Не стала лукавить: капитан милиции, криминальный обозреватель, слышала в местном отделе, что к поискам пропавших без вести подключен отряд спасателей-спелеологов. И вот решила взглянуть.

— Что ж, любуйтесь, — насмешливо фыркнула одна из девушек — крепкая, спортивного вида стрижена брюнетка. — Только вам сначала с Алей Гордеевой надо поговорить. Она начальник экспедиции. Все через нее. У нас здесь такой порядок.

— А где же эта ваша Гордеева? — полюбопытствовала Катя.

— Она скоро будет. — Девушка ответила тоном вежливой секретарши. — У нас вообще сейчас по плану мертвый час. Отдыхают все после штурма.

Катя пока решила не цепляться за причудливое словечко «штурм». Спросила только: а где все отымают?

— В палатках спят. И на реке.

Вдали послышался шум мощного мотора.

— Извините. — Девушка отодвинула Катю с дороги, словно лишний предмет. Давая понять, что без разрешения «начальника экспедиции» она и не собирается оказывать гостеприимство капитану милиции.

Катя увидела, как с шоссе по направлению к лагерю свернула машина. Это был тот самый темно-зеленый джип, который она заметила во дворе ОВД, приняв его за машину высокооплачиваемого адвоката. У дуба он остановился. Девушки быстро пошли к машине. Откуда-то сразу появилось еще несколько. Мужчина среди них был только один. Катя в толчее, сразу возникшей возле джипа, его плохо разглядела — вроде молодой, высокий, спортивный. Темные волосы коротко, модно острижены, на плече татуировка — два дракона.

Ее внимание тут же переключилось на пассажиров джипа. Один из мужчин — молодой, по виду явный шофер-охранник. Второй — тот самый, уже виденный Катей во дворе ОВД: невысокий полный человек лет пятидесяти пяти в черном костюме, черном траурном галстуке и модных дорогих черных очках, которые совершенно не шли к его грубоватому простому лицу.

Он тепло, за руку поздоровался с парнем с татуировкой. Водитель открыл багажник джипа и начал сгружать на траву какие-то коробки.

Приехавшие на джипе женщины внимательно прислушивались к беседе. Одна была лет тридцати пяти. Высокая, стройная, миловидная. Одета в отличный бежевый брючный костюм из льна. Вокруг

шеи черный шарф-креп. Ее густые, изящно подстриженные темные волосы отливали на солнце краснобордовым, словно дорогое вино.

Вторая женщина была старше лет на десять. Худая, жилистая, крашеная блондинка. Одета очень скромно — в летнее темное платье, из тех, которыми заполнены все рынки. В руках она держала черную сумку, по виду тоже «с рынка». Рядом с ней стояла девочка лет одиннадцати в джинсовых шортиках и майке.

Женщины были совершенно разными — по стилю, манере держаться, видимо, и по уровню материального достатка. Но было у них и нечто общее — нервное напряжение, сквозившее в их взглядах, жестах. Тревога, отчаяние и вместе с тем почти фанатическая надежда. На что?

Из-за галдежа, поднятого спелеологами, их беседа с парнем с татуировкой была Кате абсолютно не слышна. Парень положил руку на плечо мужчине, словно ободряя его, затем указал куда-то вниз. Потом они, сопровождаемые эскортом девушек, двинулись туда, откуда только что пришла Катя: в березовую рощу. Лагерь быстро опустел. Только водитель остался у машины. Трудолюбиво, как муравей, он начал перетаскивать коробки под навес. Некоторые были очень тяжелыми. На одной Катя прочла «тушенка», на другой по-французски значилось «сладкий зеленый горошек», на третьей — «хозяйственное мыло», на четвертой — «мороженые креветки». Водитель вытер со лба пот и начал извлекать из багажника ящики с пивом.

Глава 4

СЛЕД?

На территории спортивно-развлекательного комплекса «Сосновый бор» в летних сумерках зажигались матовые фонари. Белое, похожее на корабль

здание тоже парадно светилось огнями. Из летних ресторанов доносилась негромкая музыка. Ужин был в разгаре: все столики заняты, то и дело мелькали затянутые в белую форму официанты.

На кортах в парке доигрывали последние партии. Хотя корты по вечерам освещались мощной подсветкой, игроки уже с трудом различали мяч на фоне пепельных густеющих сумерек. Мимо кортов проехали всадники: инструктор конного клуба и его подопечные — молодая супружеская пара.

Кони под ними были гнедые и спокойные, даже сонные. Они шли ровной неспешной рысью, бережно несли своих седоков, словно чувствуя в них непроходимых дилетантов. Инструктор повернул в глубину парка. Прислушался, улыбнулся: даже сюда от реки доносились звонкое кваканье лягушек.

— Подождите, у меня подпруга ослабла, — обеспокоенно сказала молодая женщина инструктору и мужу, державшемуся на своем коне на полкорпуса сзади. — Ну да, я и чувствую, что-то не так. Валера, посмотрите, что у меня с седлом! — окликнула она уехавшего вперед инструктора.

Тот повернул коня, подъехал к ним и спешился. Муж женщины тоже спешился, бережно помог жене сойти на землю. Они остановились на небольшой поляне, покрытой мхом и палой хвоей, по краям заросшей молодым ельником. Позади сквозь деревья сияло огнями белое здание. Было слышно, как на корте мяч гулко и ритмично стукается о гравий.

— Ничего страшного! Квадрат, когда вы его седдали, просто надулся. Это они специально иногда вытворяют из упрямства. — Инструктор почесал гнедому коньку белую отметину на лбу и начал умело подтягивать подпругу. — Спокойно, Квадрат, стоять.

— Ах ты черт, комары заели. — Муж то и дело звонко хлопал себя ладонью по щекам и шее. — Кровопийцы.

— А скоро луна взойдет? — спросила его супруга,

пытаясь разглядеть вечернее небо меж крон темных корабельных сосен.

— Давно взошла. Только нам в лесу не видно. До реки доедем — увидишь, — ответил муж.

— А тут очень даже прохладно, зря ты куртку не взял. — Женщина нежно погладила его по плечу, обтянутому серой фланелевой футболкой.

— Нормально. Я на реке еще искупаюсь.

Она хотела что-то возразить, но тут конь инструктора, привязанный в стороне, внезапно навострил уши и тихонько тревожно заржал. Инструктор, все еще возившийся с подпругой, удивленно обернулся:

— Что такое? Ты чего заволновался?

Конь, прядая ушами, тревожно косил глазом в сторону зарослей. Снова заржал.

— Возьмите повод. — Инструктор передал коня своей подопечной и подошел к своей лошади. — Да что с тобой такое? — Он потрепал его по холке. — Ну? Это же просто тень от кустов на траве. Чего ты, глупый, испугался? Ну, айда по коням. До реки путь неблизкий, — пошутил он.

До реки было рукой подать. Оттуда явственно слышался шум мотора. Видимо, какая-то веселая компания из «Соснового бора» вместо ужина решила отправиться на катере наочной подлунный пикник.

Женщина подошла к своей лошади. Муж стоял рядом. Она уже поставила ногу в стремя, держась за седло руками, как вдруг...

Конь внезапно и резко шарахнулся в сторону, сбив мужчину. Поднялся на дыбы, панически визгливо заржал. Женщина от толчка не удержала равновесия и упала на спину. Нога ее запуталась в стремени.

— Квадрат, стоять! Стой, кому говорю! — загремел инструктор. Он пытался поймать коня за повод, но тот снова дико шарахнулся от зарослей, волоча за собой по хвое свою наездницу.

Инструктор спрыгнул на землю. И в это мгновение ему померещилось... Тень ли то была от играющего на траве лунного света или просто причудливый лесной морок — от зарослей к прогалине, ведущей к реке, бесшумно и быстро что-то мелькнуло... Хрустнула ветка...

Кони захрапели, пятясь задом.

— Наташа, ты не ушиблась? Не ранена?! Скажи же что-нибудь... — Мужчина, уже пришедший в себя от падения, был возле жены. Судорожно и торопливо пытался выпутать ее ногу из стремени.

— Нога... Ой, кажется, вывих, больно... — Она приподнялась на локте, глаза ее были испуганными. — Скажите, а что это было?

— Где? — Муж с помощью инструктора освободил ее. — Перелома, кажется, нет, сейчас я за врачом сбегаю.

— Нет! Не оставляй меня тут! — Она вздрогнула и вцепилась в него. — Там же кто-то был в кустах. Я же видела! Он смотрел прямо на меня!

* * *

Вечером Катя с Варварой — Варенькой — Варюшой Красновой достойно отметили и встречу, и новоселье. Придя утром на кухню, Катя взирала на остатки ночного пиршества: две пустые бутылки из-под шампанского, пакетики из-под апельсинового сока, пустая коробка от их любимых конфет «Пьяная вишня в шоколаде».

Около половины двенадцатого ночи веселье достигло апогея, и они запели. Вот здесь, на кухне, не страшась гнева соседей: «Вот кто-то с горочки спустился», «Так будьте здоровы, живите богато», «Орел степной, казак лихой».

Катя улыбнулась: чудная штука гены. Можно неделями слушать дома диски Сантаны, Стинга, Сары Брайтмэн и Фредди Мэркьюри, а в теплой компании

за накрытым столом все равно тебя потянет петь:
«Когда весна придет, не знаю...»

У Варвары Красновой был чистый высокий голос, петь она любила и знала, в отличие от Кати, все песни с первого и до последнего куплета.

О делах служебных говорить за столом как-то не случилось. Не до того было. Да и новостей из лагеря спелеологов Катя не привезла никаких. Тот джип спутал все карты. Всех куда-то сразу унесло. Она терпеливо слонялась у палаток, поджиная эту самую Гордееву, но так и не дождалась.

Спустя час терпение ее лопнуло. Несолено хлебавши она поплелась назад на автобусную остановку — не ночевать же там! И еще битый час ждала автобуса. Вернулась в Спас-Испольск, прошлась по магазинам: отмечать новоселье с пустыми руками нельзя.

Итак, за исключением классно проведенного вечера, командировочный день ухнул коту под хвост. Не оставалось ничего, как вернуться в ОВД и, воспользовавшись великодушным разрешением капитана Лизунова, покопаться в материалах профилактической антитабачной операции «Мак». Чтобы было чем отчитаться за поездку.

«Мак» этот чертов проводили каждое лето, и он уже успел набить оскомину всем — и наркоторговцам, и оперативному составу управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (УНОН), и газетчикам. При виде статьи под дежурным заголовком «Мак» наносит удар» в «Подмосковном вестнике» всех перекашивало: опять эта тягомотина!

— Да не расстраивайся ты. — Варя (она как штык вскочила в семь утра) колдовала у плиты, бухая в кипящую соленую воду вареники из картонной пачки. — Ну, не удалось узнать, и что? Начальство тебя за это не съест. Да тут и никто пока ничего не знает. Розыски в тупике. Трупов — и тех нет.

— Может быть, они просто не там их ищут? —

предположила Катя, моя посуду. — Кероян ведь мне говорил: в эти ваши Съяны много входов.

— Поблизости от Большого провала нашли их машину. Логичнее всего предположить, что они доехали на ней и спустились в каменоломни именно в этом месте.

— Да, это логичнее всего, — согласилась Катя. — И все же я никак не пойму: зачем им вообще понадобилось это?

— Ну а зачем люди с парашютами прыгают? Зачем подводным плаванием занимаются, экстремальным альпинизмом? — Варя шумовкой вылавливала вареники. — Так и путешествие в наши катакомбы. Выброс адреналина в кровь. К тому же в «Пчеле», ты же слышала, как раз в тот вечер и затевалось что-то в этом духе — вечеринка ужасов. И все же темное это дело. Месяц прошел, и ничего пока не ясно. А ты хочешь по-репортерски, насоком, за два часа все узнать.

— Да, одного дня для ваших тайн маловато, — согласилась Катя. — А вареники вкусные, совсем как домашние.

— Завтракаем и на автобус. Мне к половине десятого в наркологический диспансер. Дело уголовное волочь. Пререкаев, змей, наркологию в сотый раз проходит. Господи, я уже со счета с ним сбилась. А ты в отделе останешься?

— Придется.

— Ну, значит, увидимся еще или созвонимся, в справочнике номер наркологического диспансера посмотришь. Я вечером Катюшку у мамы заберу. Может, ты еще на денек у нас останешься? Она так рада будет.

Но Катя отказалась. Командировка у нее оформлена на один день, и так уж пришлось задержаться.

В ОВД после ознакомления со скучнейшими материалами «Мака» она заглянула к Лизунову, попро-

щалась, поблагодарила, тепло по телефону попрощалась с Варей и пошла на автобусную остановку.

Было всего-навсего четверть одиннадцатого. Небо затянули тучи, сильно парило. Воздух был тяжелым и влажным. Подошел автобус... семнадцатый номер. Катя секунду колебалась. А, была не была! Может, сегодня ей с этой неуловимой Гордеевой повезет больше.

В лагере на этот раз жизнь так и била ключом. Под навесом дымилась печь полевой кухни. Там крутились дежурные поварихи, с грохотом расставляя на дощатом столе походные железные миски.

— Сейчас пятнадцатый маршрут вернется, а гуляш не готов! Что Женя сказала? — спросила одна из них другую.

— Передали: вроде четвертый уровень прошли. Но это же три часа назад было, — ее подруга озабоченно глянула на наручные «Командирские» часы.

Катя снова чинно официально представилась и спросила, где она может повидать Алину Гордееву.

— Нигде пока. Они внизу, в штольне. Скоро должны вернуться. Если хотите, вон Майя вас проводит. Майка, ну как там у наших дела? — зычно окликнула повариха девушку в брезентовой куртке, камуфлированном комбинезоне и каске, какие обычно носят строители.

Девушка сноровисто рылась в ящике под навесом, где в пластиковых пакетах лежали аккуратно свернутые кольцом толстые капроновые веревки. К поясу девушки была приторочена мобильная радиация, она была включена. Оттуда доносились треск и щелчки.

— Свирия ногу, кажется, повредила, поскольку лежала на глине. Швед передал, чтобы мы на выходе с пятнадцатого ждали, и еще одну веревку попросил страховочную. Если она подняться сама не сможет, придется на подъемнике вытаскивать. — Девушка

наконец отыскала нужный пакет. — А это еще кто? — небрежно кивнула она на Катю.

— Из милиции, говорит, к нам. Гордееву хочет видеть.

— Вы не могли бы меня проводить в эту вашу штольню? — вежливо и холодно спросила Катя.

Девица в каске хмыкнула, быстро оглядела ее с головы до ног.

— Ну, даешь ты, в штольню проводить... Ладно, пойдем, если не боишься. Наши все равно возвращаются.

Катя ожидала увидеть этот самый таинственный Большой провал в образе ну, скажем, пещеры, на манер тех, что показывают туристам в Пятигорске или в Крыму. Сумрачные гранитные своды над головой, заросший зеленью вход, стаи летучих мышей, сталактиты и сталагмиты, стук падающих капель. Эхо...

В такой пещере искал свой клад Том Сойер, а в черных зияющих провалах скрывался кровожадный индейец Джо.

Но все выглядело совсем-совсем не так. За палатками их ждал старенький мотоцикл с коляской.

— Звездануться не боишься? — лихо хмыкнула девица в каске.

— Звездануться не боюсь. Сериалы смотришь? Мент ничего никогда не боится, — назидательно ответила Катя и села позади нее на потрескавшееся сиденье. — Правда, я уважаю цивилизованную езду.

От прыжков по ухабам, пока они не выехали на шоссе, у нее зуб на зуб не попадал. По полю, мимо дуба, по шоссе, миновали ферму. За ней началось картофельное поле. На самом краю его Катя увидела группу людей. Мелькали знакомые оранжевые каски.

— Тут дальше не проехать, в борозде увязнем. Берите, дорогуша, ножки в руки. — Девица заглушила мотор мотоцикла и обворожительно улыбнулась Кате. — А на будущее — совет: если снова к нам загля-

нете... Короче, если заскочишь на огонек, выбирай вот такие шузы, — она горделиво ткнула на свои шнурованные ботинки на толстой подошве. — А не эти свои итальянские финтифлюшки.

Катя с печалью в сердце смотрела на свои новые босоножки: прозрачный каблук, ремешки-перепонки — все было заляпано землей.

— А я думала, этот Большой провал — пещера, — сказала она, шагая за своей провожатой.

— А это просто дыра. Только это не Большой провал.

— Другой вход? — Катя нахмурилась: надо же. — А где же Большой провал?

— Там, — Майя махнула в сторону лагеря. — Километра полтора к северу.

— А почему же мы тогда идем?..

— Майка, давай быстрее, шевелись! Швед передал — они уже на подходе. — На кромке поля копошились трое — все в касках, в измазанных землей брезентовых куртках и резиновых сапогах. Но все — существа женского пола. Катя узнала ту самую девицу, которая так нелюбезно разговаривала с ней вчера у палаток. В руке она тоже держала рацию.

— Как там Свиря? Держится? — озабоченно спросила Майя, на ходу разрывая пакет и начиная осторожно разматывать веревку.

— Ничего, сама идет. Швед сказал: вроде что-то есть. Но связь плохая! Слышимость просто никакая.

И Катя наконец узрела «провал», или, как это еще называли, «штолнию». Просто на обочине поля была поляна. На ней — пень. Давным-давно здесь грозой с корнем вывернуло старую ель. Ливни размыли глину, часть грунта просела. И теперь в земле зияла узкая черная дыра-лаз. Настолько узкая, что взрослому, пожалуй, и не протиснуться.

У Кати муравьи побежали по телу. Глина по краям лаза была сырой, тут и там торчали узловатые корни, а кое-где копошились жирные розовые до-

ждевые черви. «Штольня» напоминала гигантский кротовый ход, уходивший вниз под углом в сорок пять градусов. Оттуда несло сыростью, плесенью и гнилью, как из потревоженной могилы. Нет, свое первое знакомство со Сьянами Катя представляла себе совсем не так.

— Снова вы к нам? — молодая женщина, с которой Катя беседовала накануне, тоже, подобно Майе, смерила ее с ног до головы насмешливым взглядом. — А вы настойчивая. Ну что ж, раз приехали — оставайтесь пока что.

Тут в рации у нее что-то щелкнуло, зашипело, раздались обрывки какой-то фразы.

— Да, да, Швед, слышим тебя! Мы уже готовы! Они идут, — объявила она своим. — Свиря идет первая, замыкающий Швед.

Они все смотрели напряженно вниз. Майя, сделав на веревке скользящую петлю, опустила ее в провал. «Глубоко, — подумала Катя, следя, как исчезает веревка метр за метром. — Очень глубоко там».

Было так странно видеть эту внезапно разверзшуюся посреди обычного подмосковного поля пропасть...

Прошло минут десять томительного ожидания. И вот внизу мелькнул свет — ближе, ярче. Впоследствии Катя узнала, что так ярко горят в подземной тьме портативные карбидные лампы. Послышался шорох осыпающейся глины. Майя бросила вниз вторую веревку. Снизу ее тут же кто-то потянул, сильно дернулся, словно проверяя на крепость.

— Свиря, слышишь меня? Здесь закрепить не за что! — крикнула Майя в провал, пнула ногой трухлявый пень. — Поднимайся осторожнее! Мы все тебя страхуем!

Четверо женщин крепко ухватились за веревку. Катя — от волнения и любопытства она затаила дыхание — опустилась на колени, низко склоняясь над «штольней». Она увидела, как по веревке, ловко под-

тягиваясь на руках, поднимается человек — оранжевая каска и брезентовый комбинезон его были сплошь покрыты жидкой бурой глиной.

Трое спасательниц по-прежнему страховали веревку, а Майя подхватила подругу под руки, но та была тяжелой. Катя кинулась помогать. Вдвоем они вытащили девушку из провала.

— Приветик. — Она тяжело и часто дышала. — Ну и переход! Один раз едва назад не повернули! Зато, кажется, не зря этот пятнадцатый маршрут проверили.

Из провала тем временем показалась еще одна каска, потом еще одна — друг за другом по веревке поднялись две женщины, с ног до головы тоже облепленные глиной.

— Швед, давай! — крикнула одна из них. Голос показался Кате знакомым.

Напряженная минута — и еще одна оранжевая каска. Ближе, ближе. Швед выкарабкался из земли сам, правда, едва не застрял.

Катя разглядывала их разгоряченные, испачканые глиной лица. Швед достал из-за пазухи пачку сигарет, закурил, жадно затягиваясь. Пачка тут же пошла по рукам. Кто-то сунул ее и Кате. Она не курила. Но отказаться сейчас значило снова обособиться от них, стать чужой. А ведь лед чуть-чуть уже был сломан, когда она помогла вытащить эту спасательницу со смешным именем Свирия.

Кто-то поднес ей зажигалку. Катя подняла глаза: перепакованное глиной женское лицо, надвинутая на лоб каска, из-под которой выбивались каштановые волосы.

Женщина с наслаждением выдохнула дым.

— Швед, ну не томи, что вы там нашли? — Майя так и светилась от нетерпения. — Кого-нибудь из них?

Вместо ответа Швед расстегнул надетую через плечо тугу набитую брезентовую сумку. Осторожно

выложил это на траву. Все склонились над находкой. Катя внезапно снова почувствовала, как по спине поползли мурashki.

Это были клочья мужской клетчатой рубахи. Они тоже были испачканы глиной. Но там, на ткани, было и еще что-то. Катя протянула руку, дотронулась и тут же отдернула, словно обожглась. Клетчатая тряпка была обильно пропитана засохшей кровью.

Глава 5

НЕОБХОДИМЫЕ ФОРМАЛЬНОСТИ

День следующий Катя потратила на консультации с начальством и оформление новой, на этот раз многодневной командировки в Спас-Испольск. О находке в «штольне» в главке уже было известно. На место (кстати, по настоянию Кати — она сразу же решила перевести все дальнейшие события в официальное русло, представившись в который уж раз и предъявив спелеологам служебное удостоверение) была срочно вызвана опергруппа из Спас-Испольского ОВД. Правда, в составе ее приехали только двое — местный участковый и оперуполномоченный Кероян.

Но Кероян, едва увидев измазанные глиной и еще чем-то бурым остатки рубашки, тут же объявил, что он изымает вещдок и направляет его на экспертизу. Проведенные в тот же вечер исследования выявили на ткани следы крови первой группы. Проверка данных в местной поликлинике подтвердила, что у Славина как раз и была кровь первой группы.

— Да, странный случай, — задумчиво заметил начальник пресс-центра, выслушав пылкий Катин рассказ. — И ничего хорошего я от него в дальнейшем не жду. Ребята мертвые, это уже вне всякого сомнения.

ния. Вот только что с ними стряслось? Ты на месте была — на что похожи эти Съяны?

Катя пожала плечами.

— На нору, которую вырыл гигантский крот. Но это лишь один из многих входов, ведущих туда, вниз.

Она вспомнила, как Алина Гордеева (они наконец-то пообщались с начальником спелеологической экспедиции прямо там, у входа в «штолню», и встреча эта, надо сказать, произвела на Катю двоякое впечатление), перемазанная глиной с ног до головы, уставшая, на ее наивный корреспондентский вопрос: «На что похожи Съяны?» — пробормотала, чертыхаясь, что-то насчет «паутины». Мол, там, внизу под нами, представьте себе паутину ходов, штолен, провалов, шахт, камер, тупиков и пещер. Настоящий лабиринт на нескольких уровнях, местами уходящий глубоко в недра, а местами поднимающийся к поверхности.

— Четверть века работаю в Подмосковье, вроде все тут как свои пять пальцев знаю, а про эти камено-ломни почти ничего раньше не слышал, — начальник пресс-центра хмурился. — Подземелье это, слава богу, никогда особых хлопот не доставляло. Это не красковские карьеры, где каждое лето — утопленник, не шатурские болота-торфяники, что каждый год горят. И вот поди ж ты — и Спас-Испольск в экстремальный список теперь попал... Значит, снова хочешь туда поехать?

— Если поисковые мероприятия дадут хоть какой-нибудь положительной результат, хороший материал получится. Милиция в катакомбах, насколько мне известно, пока еще расследований не вела. — Катя невесело усмехнулась.

— Завтра думаешь туда поехать?

— Да, с утра пораньше, первым же автобусом, прямо до лодочной станции с пересадкой. Теперь там активизировали поисковые мероприятия — прочесывание местности, ну и остальное. Ведь если пред-

положить, что найдены действительно фрагменты одежды Славина, то... Это ведь в полутора километрах от того места, где они оставили машину!

— Приезжай лучше к половине восьмого сюда, в главк, — сказал начальник пресс-центра и поднял трубку телефона. — Я сейчас с управлением розыска свяжусь. Узнаю, кто у них завтра туда собирается. Они и эксперта с Варшавки берут.

— А Колосов Никита Михайлович туда не собирался? — осторожно осведомилась Катя.

— Нет, по-моему. Он по тройному убийству в Балашихе работает, ты же его знаешь — он выезжает только на убийства, причем на такие, как говорится, высшей категории. А здесь еще бабушка надвое сказала. Скорее всего это все же несчастный случай. Правда, эта вещь со следами крови...

Катя вспомнила клетчатую тряпку в руках Гордеевой. Как они на том картофельном поле смотрели друг на друга! Как было тихо кругом. Какой непроницаемой, зловеще-молчаливой была опушка леса. Каким холодом веяло из «штольни», этой мрачной темной норы у них под ногами.

— Эти спелеологи... Они не говорили, где именно они обнаружили улику? — помолчав, спросил начальник пресс-центра.

— Сказали, что в течение двух с половиной недель осматривали Большой провал и ведущие от него в глубь подземелья ходы. Не обнаружили никаких следов, указывающих на пребывание там ребят. Начали топографическую съемку местности, разбив каждый подземный сектор на участки. Гордеева... — Тут Катя слегка запнулась — Ох и необычный у этих spelов начальник! Сказала: поиск крайне затруднен. Там целый лабиринт. В то утро они как раз проверяли один из маршрутов, под номером пятнадцать. В одном месте попали в осыпь, пришлось свернуть в боковой ход. Одна из спасательниц подвернула ногу. Они сделали привал в какой-то небольшой пещере,

начали оказывать ей помощь. Там Швед и обнаружил окровавленные остатки рубашки.

— Кто это Швед?

— Их проводник по Съянам. Местный. Больше пока о нем никакой информацией не располагаю.

— А ты говоришь — эти спелеологи все сплошь женщины? И начальник у них тоже женщина?

Катя вспомнила, что ей вчера насикро и чисто официально рассказала Гордеева.

— Они все из Питера, студентки и аспирантки Горного института. Все уже по нескольку лет занимаются в институтском спелеологическом клубе. Гордеева — кандидат математических наук, доцент, преподает там же. Мастер спорта. Несколько лет возглавляет женское отделение клуба. Она пояснила, что они решили отделяться от мужской секции — из-за разницы в нагрузках, в степенях сложности.

Опыт работы под землей у них солидный, особенно в Саблинских катакомбах, что под Питером. Они туда несколько лет подряд на полевые сезоны выезжали. По словам Гордеевой, у каждого типа спелеологии есть своя жесткая специфика. Они основательно изучали специфику Саблинских катакомб, а это совсем не то, что специфика карстовых пещер, например крымских. Думаю, именно поэтому их и нанял для поисков отец пропавшей Веры Островских.

Начальник пресс-центра глянул на Катю.

— Ты уже, смотрю, освоилась с проблемой. С терминами уже совсем на «ты».

— Я просто постаралась их как можно подробнее расспросить. Правда, кроме терминов и краткого экскурса, Гордеева мало что мне рассказала интересного. Они там здорово вымотались под землей. На ногах еле держались от усталости.

— Ну что ж, поезжай в Спас-Испольск. — Начальник пресс-центра придвинул бланк Катиной командировки и размашисто подписал. — Появятся

новости — сразу же звони. Я телевизионщиков подожлю. Если какая помошь будет нужна, тоже дай знать. Кстати, как там тебя приняли?

— Отлично. — Катя вспомнила Краснову и их полуночные песни. — У меня там подруга работает. Следователь. Я у нее остановлюсь.

— У тебя везде друзья-приятели. Легкий, контактный ты человек, Екатерина. Муж-то отпускает так надолго?

— Отдыхает. В отпуске он. — Катя чуть не хлопнула себя по лбу: эх, не забыть бы позвонить прямо сейчас в столичный географический клуб. Пусть свяжутся со своим представителем в Анталье и передадут Мещерскому и Кравченко, где ее искать. А то Вадьку удар хватит, если он, по своему обыкновению, позвонит ей среди ночи (так дешевле тариф) и не застанет дома.

Глава 6

НЕОПОЗНАННЫЙ

О том, насколько сокращают дальнюю дорогу первоклассная машина и болтливые попутчики, Катя получила представление, сев в новехонький «Форд» управления розыска. В Спас-Испольск на «оказание методической и практической помощи местным сотрудникам в организации поисковых мероприятий» были отряжены двое сыщиков из отдела по розыску без вести пропавших и эксперта.

Троица всю дорогу травила анекдоты как заводная. Некоторые были малоприличными. А один-два ну уж совсем ни в какие ворота. На дерзкого рассказчика притворно зашикали, с интересом косясь на Катю. Но та дипломатично промолчала. Опера на секунду привяли, но затем снова начали щеголять специфически-милицейским чувством юмора.

А в результате путь в Спас-Испольск пролетел незаметно. В ОВД пахло грандиозным авралом. Катя сразу поняла это по количеству патрульных машин во дворе и сотрудников в форме и без оной.

В душе она немножко гордилась тем, что именно ее сообщение о найденной спелеологами улике, возможно, и стало причиной этой второй волны поисков. Но...

Со дня исчезновения людей прошел месяц. А заблудившиеся в подземелье — Катя теперь была в этом просто уверена — не смогли бы протянуть и недели. И весь этот поисковый ажиотаж и служебное рвение были направлены лишь на то, чтобы найти мертвые тела или то, что от них осталось.

Катю (на этот раз уже в составе рабочей группы главка) снова принял капитан Лизунов, и. о. начальника. На столе у него была расстелена крупномасштабная карта района, напоминавшая карту военных действий, так все там было испещрено отметками и стрелками. Поиски, видимо, на этот раз охватывали значительную территорию.

— А сами катакомбы планируете осматривать или только так, поверху будете местность прочесывать? — недоверчиво осведомился эксперт, разглядывая карту.

Лизунов раздраженно буркнул о «неплохих контактах с отрядом спасателей». Катя вздохнула: после того как она увидела один из входов в Съяны, ей очень трудно было представить, что милиция ведет в этих подземных норах самостоятельные поиски.

— Ну, нам прямо на место лучше сейчас подъехать. — Лизунову явно не терпелось спихнуть прове-ряющих из главка куда-нибудь подальше, к черту на кулички. Он свернул карту и взял ее с собой.

Они оставили «Форд» во дворе ОВД, пересели в старую «Волгу» Лизунова и снова тронулись в путь. Катя отметила, что Лизунов отчего-то начинает демонстрировать им масштаб поисковых мероприятий

с весьма удаленных от реки и лагеря спелеологов участков. «Странно, — думала она. — Мы вроде бы совсем в противоположную сторону едем. Ну да, вот тут я на автобусе проезжала, когда в Москву возвращалась».

Местность и здесь была вполне обжитая: дачный поселок Прохоровка, лесоторговая база, бензоколонка, магазин стройматериалов. На поле за бензоколонкой Катя увидела сотрудников милиции. Они стояли, разглядывая что-то у себя под ногами.

— А почему вы здесь поиски ведете? — спросила она Лизунова, выходя следом за ним из машины.

Тот что-то сосредоточенно изучал на карте.

— Пытаемся охватить все известные входы в каменоломни, — ответил он.

— Как, и здесь тоже вход? Но это же очень далеко от...

— С местными говорили, так около двадцати семи провалов насчитали. Это только те, что всем у нас в округе хорошо известны. А сколько дыр мы еще не знаем — в лесу, в оврагах, на берегу реки. Тут на площади нескольких десятков километров под наами, — Лизунов топнул ногой, — все изрыто. Камень тут у нас веками добывали, чтоб вашу Москву строить. — Он нагнулся и поднял с земли какой-то камешек.

Катя увидела белый неровный осколок. Что это? Песчаник? Известняк? В геологии она, как и в спелеологии, не разбиралась. Тем временем они приблизились к сотрудникам милиции. Те сгрудились вокруг ямы, зияющей прямо посреди поля. Один из милиционеров опустил в яму какой-то груз на веревке.

— Нет, тут вода на дне. — Он дернул веревку, медленно, с усилием вытаскивая ее назад.

Катя увидела старое пожарное ведро, до краев заполненное бурой глинистой водой.

— Затоплено тут все внизу. — Лизунов что-то с облегчением черкнул на своей карте. — Так, значит, тут сворачиваемся. Переезжайте на сорок второй километр. Туда, где у нас...

Он не договорил. В отделовской «Волге» заработала рация. Водитель позвал Лизунова.

— Что там еще стряслось? — Лизунов повернулся к машине.

Катя, запыхавшись, тоже подошла к «Волге», но смогла услышать лишь брошенную Лизуновым в микрофон последнюю фразу:

— Сейчас выезжую. Ничего там без меня пока не трогайте. Я и эксперта привезу, звоните в прокуратуру, вызывайте следователя. — Он повернулся к ним свое покрытое капельками пота мальчишеское лицо. — Садитесь в машину. Быстрее! Кажется... кажется, одного из них мы нашли.

Место, куда он их привез, Катя видела впервые, хотя... Позже она поняла, что это место находится всего в километре от того самого белого, похожего на корабль здания, которое так ей понравилось. Здания, где располагался центральный корпус знаменитого в столице и Подмосковье Центра отдыха и развлечений «Сосновый бор». Просто сейчас они подъехали к территории комплекса не по магистрали со стороны главного въезда, а с тыла, по проселочной дороге, рассекавшей надвое обширный хвойный лесной массив, начинавшийся сразу же за огороженной территорией парка.

Окрестности были живописными, но довольно безлюдными: опушка леса, поле клевера, холмы, а между ними петляла заболоченная речушка.

Вместо шоссе здесь была бетонка — старая, разбитая дождями, нуждающаяся в ремонте. Над речкой горбатился старый мост, по которому могла проехать только одна машина.

Но сейчас на въезде на мост и у обочины стояли три машины — дежурный «УАЗ» и двое «Жигулей» ППС. У одной была не выключена мигалка. Катя застороженно следила за ее беззвучными синими сполохами. На душе у нее отчего-то стало тревожно, неспокойно. Она медлила выходить. Лизунов, сыщики, эксперт давно уже вышли, а она...

Во что через месяц превращается мертвая плоть, она знала, увы, не по учебникам судебной медицины. Ей доводилось видеть смерть в разных ее проявлениях, порой очень неприглядных, однако...

— Значит, одному из них все же удалось выбраться наружу? — услышала она взволнованный вопрос Лизунова.

А кто-то снизу, из-под моста, с топкого берега речонки, громко ответил ему:

— Спускайтесь сюда. Лучше взгляните на это сами.

Голос был Кате знаком: хрипловатый, меланхоличный, с едва уловимым кавказским акцентом. Голос оперуполномоченного Керояна.

Берега речки под мостом густо заросли ивняком и камышами. Среди камышей Катя увидела Керояна, других сотрудников милиции, Лизунова, эксперта, а еще она увидела...

Мужчина, одетый в черные брюки и кожаную черную куртку, лежал ничком, уткнувшись лицом в болотный ил. Ноги его были наполовину в воде.

— Выходит, ему все же удалось оттуда выбраться, — повторил Лизунов. — Это, наверное, Славин?

Кероян нагнулся к трупу. Осторожно за волосы повернул к себе измазанное илом мертвое лицо.

— Это не Славин, — сказал он. — Тот рыжеватый блондин, а этот... И потом, взгляните сами: разве этому дашь двадцать пять лет?

На них смотрело лицо сорокалетнего мужчины. Мертвое, искаженное гримасой удивления и боли.

Глава 7

«ПЧЕЛА» — ЗНАКОМСТВА НАЧИНАЮТСЯ

Там, около моста, Катя провела первые полтора часа осмотра. Далее оставаться на месте происшествия было бессмысленно. И вместе с одной из машин ДПС, спешно вызванной в отдел, она вернулась в

город. В отделе ее встретила странная после утренней суеты тишина. Бурной жизнью по-прежнему жила лишь дежурная часть — там переговаривались рации, звонил телефон, мигали экранами компьютеры. Но становилось ясно: поисковые мероприятия после обнаружения неопознанного и явно криминального трупа постепенно сворачиваются. Все силы брошены теперь на это новое и неожиданное место происшествия.

Тихо было и в следственном отделе, однако отнюдь не безлюдно. Следователей никогда не привлекали к подобным операциям. У них и своих дел не впроворот. Катя заглянула в семнадцатый кабинет, горя желанием поделиться с Красновой сенсационными новостями. Но Краснова была занята: проводила очную ставку. В тесном кабинетике-мышлевке не повернуться было от обилия участников следственного действия: несовершеннолетних обвиняемых, их адвокатов и родителей.

Катя прикрыла дверь — что ж, подождем, когда Варвара-краса освободится. Села на клеенчатое кресло. Она терпеть не могла идиотские кресла с откидными, громоподобно хлопающими, как в старых кинотеатрах, сиденьями. Они были жесткими, холодными и адски неудобными.

— Девушка, а тут что у них, обеденный перерыв? С каких до каких, не знаете?

Катя подняла глаза. Молодой человек. Очень симпатичный. Очень даже. Лет двадцати семи. Высокий, спортивный, широкоплечий блондин. Загорелый, гладковыбранный. В белой куртке «на шнурках» с капюшоном и таких же белых «на шнурках» хлопковых брюках. Яркий, стильный, модный молодой человек. Весьма экзотически смотревшийся на фоне выкрашенных серой краской милиционских стен и старинного стенда «Спортивные состязания по самбо, стендовой стрельбе и рукопашному бою».

— Обед здесь еще и не начинался. — Катя разгля-